

ЦАПЛЯ

За деревней Ключи, что в тридцати километрах от города вверх по Бии, есть удивительно благодатные места для отдыха и рыбалки. Там река разбивается на протоки, образуя множество больших и малых островов. Есть быстринки, где клюют хариусы, есть омуты, где ловятся лещи и окуни. Конечно, если повезет.

Ехать надо за деревню по плотине между хмурыми прудами с нависшими над водой кустами кленов и черемух. Машинная дорога вначале идет по крутому берегу реки, который ежегодно нещадно рушит весеннее половодье, потом спускается на галечную отмель, где берут гравий. Отсюда дорожный свороток, раздвигая ивовые заросли, выходит на заросший травой тенистый мысок, обрамленный мощными стволами тополей и старых ив. С одной стороны шумит река, с другой сонно поблескивает сквозь кусты глухой глубокий заливчик с высокими берегами. Здесь клюют ерши, окуни, сорожки.

На мыске – широкая клеверная поляна, где приезжие ставят машины, разбивают палатки, жгут костер. Из досок сбит стол,

сидения, на которых может разместиться большая компания. Это место давно обжито рыбаками, охотниками, городскими любителями пикников.

Напротив мыска посреди широкой протоки после половодья появляется длинный узенький островок, который облюбовали две цапли. Посмотришь с берега – стоят парой, недалеко друг от друга, на мелководной быстрине в конце островка, издали похожие на два торчащих из воды березовых пенька, сливаясь своим серебристым цветом с белой гравийной отмелью.

В Ключах – наша семейная дача. Летом мы приезжаем туда и живем подолгу. По утрам и на вечерней зорьке в хорошую погоду я люблю походить с удочкой по берегу. Подойдешь по крутояру к своротку дороги, посмотришь – вон они! За мыском посреди протоки цапли стоят, вытянувшись во весь рост, на островке, стоят вертикально, высоко над водой на своих ногах-проволочках, подняв вверх длинные шеи. Можно смотреть, пока глаза не устанут, – не шелохнутся. Только в случае тревоги, когда вблизи затарахтит моторка или появится рыбак неподалеку, они задвигают головами, а потом с гортанным криком срываются в полет.

По вечерам перед закатом эти сторожкие странные птицы, обычно пролетев над мыском, удаляются куда-то вверх по реке. Летят, плавно махая крыльями, сложив вдвое шеи изгибом вниз, похожие на провисшие зобы, и вытянув длинные ноги, как рули. Наверное, посещают озера, где водятся лягушки, подальше от людей.

Я видел их каждый день, привык к ним, добавляющим экзотического разнообразия к красоте местного пейзажа.

Недавно по приезду в деревню первым делом захотелось пройтись по берегу реки и посмотреть на цапель. Взял удочку, прошелся по крутояру, обшаривая взглядом островок. Птиц на нем не было. Тогда я дошагал до мыска, откуда лучше виден островок, облюбованный цаплями. На поляне – следы недавнего пира. Разбросаны остатки еды, пустые бутылки. И вот за кустами у самой воды обнаружил убитую цаплю. Серая с серебристым отливом, лежала она на мокром песке с пробивающейся осокой. Крылья – вразмах, голова с острым раскрытым клювом в запекшейся крови на длинной шее – откинута.

У кого-то не дрогнула пьяная рука, не затуманился нетрезвый взгляд, промолчала душа. Да и есть ли она у таких?

СЛОВА, СЛОВА...

Дети понимают слова напрямую, без подтекста. Помню, старшая дочь, когда была ребёнком, удивлялась, услышав от бабушки фразу:

- Совсем я обезножила! Погода, наверное, изменится.
- Обезножила? А ноги-то вон у тебя! Никуда они не делись!
- Да нет, внучка. Ноги заболели, ходить не могу. Вот и обезножила.
- А если руки у тебя заболят? Тогда – безручила? А если голова? Тогда обезголовела? Так что ли?

Сколько ни втолковывала бабушка, как говорят и как не говорят, внучка настаивала на своем:

- Говорят, говорят, говорят!

И начала вприпрыжку бегать по комнате, приговаривая:

- Обезножила, безручила, обезголовела!

Однажды сообщила по секрету всему двору:

- А у дяди Вовы собака ошкотинилась!

Нравилось ей превращать существительные в глаголы:

- Папа, возьми топор и оттопори вот эту палку!

Или:

- Дай мне лопату! Я тоже хочу лопатить землю.

Сидим как-то с ней над развернутой цветной географической картой. Вода обозначена синим цветом, лес – зеленым, горы – коричневым.

- Что здесь? – тычет дочь пальцем в карту.
- Здесь море. По нему плавают моряки на кораблях.
- А здесь?
- Здесь тундра, вечная мерзлота.
- Там живут тундряки! – догадалась дочь.

Тогда она любила стихи. В них мелодика и созвучия. Бегает и тараторит в такт:

- Уронили Мишку на пол,

Оторвали Мишке лапу.

Всё равно его не брошу...

Люди играют словами, перебрасываясь ими:

- Привет, дружище! Как дела?
- Да как сажа бела. А у тебя как?
- В полосочку. С серединки на половинку.
- Где кантуешься?
- На старом месте. Забот полон рот!
- Ну, канай! Держи хвост трубой!

– Бывай! Не кашляй, не вешай носа!

Вот и поговорили, и разошлись, как в море корабли. Какой иностранец разберется в этой галиматье, где смысл неуловим, как ветер? Такие фразеологические штамповки – и ритуал, и информация. Это не просто трёп. В обезличенных словах содержится смысл, понимаемый собеседниками: всё, мол, в порядке. Того и тебе желаю.

Наш язык – сугубо национальное достояние, характеризующее нас:

– Толк есть, да не втолкан весь.

– От тюрьмы да от сумы не зарекайся.

С первого произнесённого слова начинается человеческая жизнь, с последним – заканчивается. Со слов начинаются и завершаются войны, революции, общественные катаклизмы. Владеть словом – владеть душами, судьбами людскими. Сколько несчастий принесли на землю слова высоких демагогов, убийц, обладавших властью, самодуров и честолюбцев!

По слову можно судить о человеке:

– Я выгадал.

Здесь «гад» вылезает наружу.

Кошунственно звучат привычные фразы:

– В бою мы потеряли много людей.

«Потерять» можно шапку, кошелёк, а речь идет о жизнях человеческих. Это утраты.

Или:

– Мы выиграли Великую Отечественную войну.

Значит, «поиграли» на сцене «военных действий» и «потеряли» миллионы человеческих жизней. Фразы обиходные, вброшенные кем-то в нашу лексику с «лёгкой руки», прижились с давних пор на земле Суворова и Жукова. В этих фразах нет присущего русскому слову подтекста, личного отношения к сказанному. Они поверхностны, холодны, по-бухгалтерски безучастны, циничны.

Русский человек едва ли задумывается о том, каким лексическим и семантическим богатством обладает. Тирада навскидку:

– Дай, думаю, махну к давнему корешу. Оторвемся от души. Святое дело! А посла хряпнем на посошок, и я мухой – домой.

Переведи это на цивилизный язык – обиходно, бесцветно, сухо. А наш язык любит краски, поэтику, неожиданности, что ставят иностранцев в тупик при буквальном переводе некоторых фраз.

ПОЭЗИЯ

ДМИТРИЯ ШАРАБАРИНА

КАНУН

Сквозь кроны вечность смотрит
Грустно.

Ещё ни музыки, ни слов.

Ещё в помине

Нет искусства –

Ни ликов,

Ни колоколов.

Всё первородно:

Тьма, рассветы

И тишина, и гулкий гром.

Большие,

Малые поэты –

Потом появятся.

Потом.

ДВИГАТЕЛЬ НАДЕЖДЫ

Над полем

Остывает вечер.

Скворцов свистящая орава –

Как будто кто

Литой картечью

Ударил по засохшим травам!

Берёзы вздрогнули

От ветра,

Всё постоянно и извечно:

Сгорает день,

Сгорает лето,

Тропа ведёт

К черте конечной.

Но в тихой пашне

Дремлет семя,

Хранящее тепло и нежность.

Не страх вращает

Нашу землю,

А вечный двигатель

Надежды!

РАССВЕТНЫЙ ВЕТЕР

Река. Я с нею

Много лет знаком,

Но берега – не узнаю! –

Другие.

Лизнёт телячьим

Жёстким языком

Мне сердце над обрывом

Ностальгия.

Рассветный ветер

В дымке золотой

Пропах зарёю

И бродячим счастьем.

Но это всё

Осталось за чертой.

Остыло позади –

Не докричаться!

Печальный мир

В глаза твои глядит.

А вечность – нить

На перекрестья ниже...

Пока ещё всё это

Впереди,

Но с каждым годом

Ближе, ближе,

Ближе.

С другими собрался в дорогу?

Иди.

Но только твоё

Ждёт тебя впереди.

Широкая крона под ветром поёт,
Но каждый листок шелестит
О своём.

БАБЬЕ ЛЕТО

До свиданья, бабье лето!
Поседела голова.
Тополя в зарю одеты,
Словно истина в слова.

Вспомню, пламенем горело
Под весеннею листвою
Сумасшедших линий тело,
Не прикрытое молвой.

Жизни солнечные звенья
Отзвенели навсегда.
Сладко плавилась мгновенья,
Горько таяли года!

Затихает половодье.
Пониманием живи:
Вся гармония природы
Отстоялась на любви.

Все рассветы перепеты.
И уносит вдаль река
Золотое бабье лето –
Остывающий закат.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Я здесь давно живу.
Всё близко и знакомо –
И эта тишина,
И этот голос грома,
И эта боль и грусть,
Что слышится вдали.
Похороните здесь –
Среди родной земли.

ПРИДЁШЬ НАЗАД

Словно нитка – память детства
Оборвётся – не связать.
Только что бы ты ни делал –
Всё равно придёшь назад.

Километры, сроки, годы.
Незабытые глаза.
И в любую непогоду –
Всё равно придёшь назад.

Мир – четыре дали света.
Где – то близится гроза.
Вечно кружится планета –
Всё равно придёшь назад.

Жизнь несётся, не стихая,
Позабыв про тормоза.
Но замедлится дыханье –
Всё равно придёшь назад.

Вспомнишь дух родного поля.
То ль роса, то ли слеза.
Грустью, памятью и болью –
Всё равно придёшь назад.

